
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ: АГОНИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Л. К. Шкаренков

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, разгром интервенции и внутренней контрреволюции, которые потрясли до основания старый строй России, вызвали и такое явление, как эмиграция представителей бывших привилегированных сословий, участников потерпевшего крах «белого движения». «После того, как мы отразили наступление международной контрреволюции, — говорил В. И. Ленин на III конгрессе Коммунистического Интернационала в 1921 г., — образовалась заграничная организация русской буржуазии и всех русских контрреволюционных партий. Можно считать число русских эмигрантов, которые рассеялись по всем заграничным странам, в полтора или два миллиона»¹. Белая эмиграция — это те лица, которые не приняли новую, рабоче-крестьянскую власть и покинули Советскую Россию после 7 ноября 1917 г. или же боролись против нее с оружием в руках и вынуждены были после поражения бежать за границу. В эмиграции оказались обанкротившиеся политические деятели, помещики и капиталисты, купцы и чиновники разных рангов, генералы, офицеры, солдаты разбитых белых армий, часть буржуазной интеллигенции, члены их семей, просто перепуганные обыватели — представители тех классов и социальных слоев, которым Октябрьская революция вынесла свой приговор, или люди, связавшие свою судьбу с этими классами и слоями.

История белой эмиграции — это история провала замыслов и планов вдохновителей контрреволюции, ожесточенной внутренней борьбы и распрей ее политических течений. Но в начале 20-х годов белая эмиграция далеко еще не исчерпала себя как политическая и военная сила и представляла определенную угрозу Советской власти. В. И. Ленин не раз обращал внимание на тенденции поведения белой эмиграции, анализируя тактику антисоветских партий и группировок, их связи с международной буржуазией, соотношение сил в лагере контрреволюции. В то время «Правда», «Известия» и другие наши газеты систематически печатали статьи и заметки о положении в зарубежном белогвардейском стане. Тактика антисоветских партий и течений разбиралась и анализировалась в документах Коммунистической партии, в выступлениях ее видных деятелей, в работах историков².

После второй мировой войны бывшие эмигранты Л. Д. Любимов, Д. И. Мейснер, Б. Н. Александровский и другие, вернувшиеся на Советскую Родину, написали мемуары³. Они рассказали о долгих годах жизни в разных странах. Здесь и картины

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 39.

² М. Н. Покровский. Что установил процесс так называемых социалистическо-революционеров. М. 1922; Н. Л. Мещеряков. На переломе. (Из настроений белогвардейской эмиграции). М. 1922; А. Бубнов. Буржуазное реставраторство на втором году нэпа. Пггр. 1923; В. Белов. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время. М.-Пггр. 1923, и др.

³ П. П. Шостаковский. Путь к правде. Минск. 1960; В. В. Шульгин. Письма к русским эмигрантам. М. 1961; А. Вертинский. Четверть века без родины. «Москва», 1962, №№ 3—6; Л. Любимов. На чужбине. М. 1963; Д. Мейснер. Исповедь старого эмигранта. М. 1963; его же. Миражи и действительность. М. 1966; П. Оболенский. На чужой стороне. «Москва», 1965, № 8; В. Сухомлин. Гитлеровцы в Париже. «Новый мир», 1965, №№ 11—12; Г. Бенуа. Сорок три года в разлуке. «Простор», 1967, №№ 9, 10, 12; Б. Н. Александровский. Из пережитого в чужих краях. М. 1969; В. Л. Андреев. История одного путешествия. Возвращение в жизнь через двадцать лет. М. 1974, и др.

эмигрантского быта, и размышления о человеческих судьбах, и свидетельства о контрреволюционной деятельности эмиграции, и описания причудливых переплетений политической борьбы. Центральная тема воспоминаний бывших эмигрантов — крушение идеологии «белого движения», распад эмигрантских политических течений, признание Советской власти многими ее вчерашними врагами.

За последние годы отдельные аспекты истории борьбы с обосновавшейся за рубежом контрреволюцией, тенденции развития ее идеологических течений освещались в работах некоторых советских исследователей⁴. Эти события привлекли внимание ряда писателей. В настоящем очерке автор на основе малоизвестных или впервые вводимых в оборот источников, а также имеющейся литературы рассматривает такие вопросы, как формирование белой эмиграции в первые годы после гражданской войны, ее попытки сохранить за рубежом белую армию, «новая тактика» эмигрантских группировок, «сменовеховство» и движение за возвращение на родину.

* * *

Когда в середине ноября 1920 г. войска Южного фронта прорвали укрепления белых в Крыму, командующий фронтом М. В. Фрунзе обратился по радио к генералу Врангелю. «Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления ваших войск, — говорилось в радиোগрамме от 11 ноября, — грозящего лишь бессмысленным пролитием новых потоков крови, предлагаю вам немедленно прекратить борьбу и положить оружие со всеми подчиненными вам войсками армии и флота». Тем, кто сложит оружие, была обещана амнистия: «Всем, не желающим работать с Советской Россией, будет обеспечена возможность беспрепятственного выезда за границу при условии отказа под честное слово от всякого участия в дальнейшей борьбе против Советской России»⁵. Через несколько лет Врангель так написал об этом: «Наша радиостанция приняла советское радио. Красное командование предлагало мне сдачу, гарантируя жизнь и неприкосновенность всему высшему составу армии и всем положившим оружие. Я приказал закрыть все радиостанции за исключением одной, обслуживаемой офицерами»⁶. Врангель не ответил на предложение М. В. Фрунзе; он признал, что скрыл это предложение от своих войск.

Целая армада судов (по разным источникам, от 126 до 137 вымпелов), от дребноута до баркасов и парусников, — все, что врангелевцам удалось мобилизовать в крымских портах, — увозила к турецким берегам остатки разбитого войска. Это была катастрофа белых. Так они и стали называть потерю Крыма — последнего своего плацдарма в Европейской России. На Крымском полуострове врангелевцы в панике бросили большое количество войскового имущества, склады, бронепоезда, артиллерию, танки. 18 ноября 1920 г. на фоне причудливой панорамы Константинополя вырисовывались силуэты многих судов, на палубе которых теснились толпы людей. Здесь, на Босфоре, подводился итог трехлетней гражданской войны, писал потом Г. Раковский — участник этих событий, журналист, служивший во врангелевской армии⁷. Пытаясь ответить на вопрос о причинах поражения белых в гражданской войне, он одним из первых среди эмигрантов выступил с признанием, что «декларативные заявления руководителей борьбы с большевиками... прикрывали со-

⁴ И. Я. Трифонов. Из истории борьбы Коммунистической партии против сменовеховства. «История СССР», 1959, № 3; его же. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1937 гг.). М. 1970; его же. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М. 1975; Г. И. Чернявский, Д. Даскалов. Судьбы русской белоэмиграции в Болгарии. «История СССР», 1961, № 1; В. В. Коровин, Э. П. Русанов. Дело Бориса Савинкова. «История СССР», 1967, № 6; С. А. Федюкин. Великий Октябрь и интеллигенция. М. 1972; С. Н. Семанов. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года. М. 1973; Д. Л. Голиков. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925). М. 1975, и др.

⁵ «Красная звезда», 30.X.1929.

⁶ П. Н. Врангель. Записки (ноябрь 1916 г.—ноябрь 1920 г.). «Белое дело. Летопись белой борьбы». Т. VI. Берлин. 1928, стр. 236.

⁷ См.: Г. Н. Раковский. В стане белых (от Орла до Новороссийска). Константинополь. 1920; его же. Конец белых. От Днепра до Босфора (вырождение, агония и ликвидация). Прага. 1921.

бой вождения помещиков и крупных предпринимателей, игравших большую роль при Ставке»⁸.

Не понимая бессмысленности борьбы против трудового народа, белоэмигрантские авторы долгие годы выясняли, кто же несет «ответственность» за поражение. После крушения «белого дела» его вожди и вдохновители начали предъявлять друг другу взаимные претензии. Врангель изобличал в бездарности и непростительных стратегических ошибках Деникина, которого он сменил в 1920 г. в Крыму на посту главнокомандующего вооруженными силами Юга России. Деникин, в свою очередь, обругал Врангеля, нелестно отозвался о Краснове, а бывший донской атаман, написавший в эмиграции многотомные «сочинения», заявил, что именно Деникин «погубил все дело». Монархисты уличали в предательстве П. Н. Милюкова, лидера кадетов, этой главной партии русской буржуазии. Милюков же обвинял белых генералов в неумелом военном руководстве. Задним числом организаторы и участники «белого движения» писали о том, что не было в их армиях «положительных» лозунгов, что они не умели устроить армейский тыл, не хотели обуздать грабежи и насилия, чинившиеся и войсками, и государственной стражей, и контрразведкой. Произвол, насилие и беззаконие царили всюду, где проходили белогвардейские банды и войска интервентов. Не кто иной, как Деникин, подтверждает, что в тылу «Добровольческой армии» спекуляция достигла размеров необычайных, казнокрадство, хищения, взяточничество стали обычными явлениями. Он вынужден был признать, что руководители «белого движения» были вождями без народа, что они не учитывали «силу сопричастности или содействия народной массы»⁹.

Реакционная аграрная, социальная и национальная политика белых правительств, поддержка ими помещиков и капиталистов, которые пытались взять реванш и вернуть утраченную собственность, проповедь лозунга «единой и неделимой России» и отрицание права на самоопределение народов — все это вызывало ненависть различных кругов населения, лишало белую армию какой-либо поддержки широких народных масс. Социальную и национальную свободу рабочим и крестьянам России несли Коммунистическая партия, руководимая В. И. Лениным, Красная Армия, Советская власть. В 1920 г. известный английский писатель Г. Уэллс, посетивший Советскую Россию, писал, что Советское правительство было единственным правительством, возможным в России того времени. «Коммунисты — это люди идеи, и можно не сомневаться, что они будут за свои идеи бороться. Сегодня коммунисты морально стоят выше всех своих противников»¹⁰. В годы империалистической интервенции и гражданской войны партия большевиков возглавила борьбу молодой Советской республики против многочисленных внутренних и внешних врагов. Она подняла на справедливую революционную борьбу трудящихся, которые «шли на голод, холод, на мучения, чтобы только удержать власть»¹¹. Это и стало главной причиной поражения обанкротившихся политических деятелей «белого движения», и этого они так и не поняли.

Потерпев окончательное поражение в гражданской войне, российская контрреволюция бежала за границу. Только через Константинополь за годы гражданской войны, по имеющимся данным, прошло более 300 тыс. русских эмигрантов. Из Турции многие из них попадали потом в балканские страны, Чехословакию, Францию. В 1921 г. свыше 30 тыс. русских эмигрантов сосредоточились в Югославии, до 35 тыс. — в Болгарии и т. д.¹². Другой путь белых эмигрантов пролегал через Польшу. Отсюда они направлялись в Германию, Францию, Бельгию. В самой Польше они, как правило, долго не задерживались, хотя и здесь собирались иногда большие массы эмигрантов. В одном из отчетов Земско-городского комитета — эмигрантской благотворительной организации — отмечалось, что к середине 1921 г. в Польше насчитывалось до 200 тыс. русских*. Крупным центром сосредоточения белой

⁸ Г. Н. Раковский. В стане белых, стр. 3.

⁹ А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. 3. Берлин. 1924, стр. 89.

¹⁰ Г. Уэллс. Россия во мгле. М. 1959, стр. 37.

¹¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 4—5.

¹² «The Russian Emigration» (рукопись П. Н. Милюкова, коллекция ЦГАОР СССР).

* Сколько из них эмигрантов, не уточнялось.

эмиграции стала Германия. Западногерманский историк Х.-Э. Фолькман на основании данных министерства иностранных дел Германии установил, что в декабре 1922 г. там было 600 тыс. русских эмигрантов¹³. Во Франции, куда в середине 1920-х годов началось массовое переселение белоэмигрантов, их собралось к тому времени до 400 тысяч. Еще один поток эмигрантов, но значительно меньший по масштабам, направлялся в Финляндию и прибалтийские государства.

Особым районом эмигрантского рассеяния был Китай. Сюда устремились остатки разбитых войск Колчака, отрядов Капшля, атамана Семенова и других контрреволюционных банд. В Маньчжурии, по разным сведениям, в 1920-е годы жило от 150 тыс. до 300 тыс. русских¹⁴. Правда, довольно значительную их часть составляло русское население, поселившееся в полосе отчуждения КВЖД еще до революции. Милуков насчитал 25 государств (без стран Америки), где к 1924 г. жили русские эмигранты. В Южной Америке, США и Канаде число осевших там белоэмигрантов постоянно возрастало. В США в начале 1920-х годов, по приблизительным подсчетам, их было уже около 30 тысяч¹⁵.

Совет Народных Комиссаров объявил собственностью РСФСР все имущество лиц, бежавших за пределы республики¹⁶. Позже постановлением Совнаркома были лишены российского гражданства находящиеся за границей лица, которые служили в армиях, сражавшихся против Советской власти, или участвовали в контрреволюционных организациях, а также все те, кто выехал из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения органов Советской власти¹⁷.

Русская контрреволюционная эмиграция сохраняла свои классовые организации, различные воинские формирования, выпускала десятки ежедневных газет, поддерживала многочисленные связи с международной буржуазией. Еще по пути в Константинополь на борту крейсера «Генерал Корнилов» Врангель собрал совещание старших начальников своей разбитой армии, на котором обсуждался вопрос о возобновлении вооруженной борьбы против Советской России¹⁸. Парижская эмигрантская газета «Общее дело» вскоре опубликовала заявление генерала, в котором тот заверял, что союзники окажут ему поддержку, и намечал приблизительный срок сохранения 70-тысячной армии — 1 мая 1921 года¹⁹. К этому времени Врангель рассчитывал снова высадиться в одном из пунктов Черноморского побережья России. А пока в качестве платы за расходы по содержанию бежавших белогвардейцев французским военным властям в Константинополе были переданы русские корабли²⁰.

Эвакуированные части врангелевской армии были сведены в три корпуса и размещены в лагерях на Галлипольском полуострове (1-й армейский корпус), на острове Лемнос и в районе Чагалджи, в 50 км к югу от Константинополя (Донской и Кубанский казачьи корпуса). Это были пустынные, лишенные растительности места, где зимой царили холод и сильные ветры, а летом зной. Не хватало топлива, у солдат и казаков пришли в негодность обмундирование и обувь. Скученность, антисанитарные условия, тиф, лихорадка, плохое питание — многие не выдерживали всего этого²¹. Донской казак И. Лунченко, вернувшийся из эмиграции в Советскую Россию, рассказал о своем пребывании в одном из константинопольских лагерей. Для того, чтобы казаки не разбежались, их лагерь окружили проволокой, а француз-

¹³ Н.-Е. Volkman. Die Russische Emigration in Deutschland. 1919—1929. Würzburg. 1966, S. 5.

¹⁴ А. Киржниц. У порога Китая. М. 1924, стр. 3.

¹⁵ H. H. Fisher. America and Russia in World Community. Claremont. 1946, p. 57.

¹⁶ СУ, 1921, № 18, ст. 111.

¹⁷ СУ, 1921, № 72, ст. 578.

¹⁸ Врангель — Кутепову, Миллеру и др. 18 июля 1923 г. (коллекция ЦГАОР СССР).

¹⁹ «Общее дело», 23.XI.1921.

²⁰ Французские власти отправили в конце ноября 1920 г. полученную от Врангеля черноморскую эскадру в африканский порт Бизерту. Там находились 2 линейных корабля, 2 крейсера, 10 миноносцев, 4 подводные лодки и 12 других судов (справка «Русская армия и флот на чужбине». Коллекция ЦГАОР СССР). В конце 1932 г. многие из этих кораблей были проданы на слом («Последние новости», Париж, 25.X.1932).

²¹ Г. Федоров. Путешествие без сантиментов (Крым, Галлиполи, Стамбул). Воспоминания беженца. М.-Л. 1926, стр. 45; «Русские в Галлиполи. 1920—1921 гг.», Сборник статей. Берлин. 1923. Приложение XII.

ское командование расставило часовых из сенегальцев²². Врангель принимал все меры, чтобы укрепить пошатнувшуюся дисциплину. «Дисциплина в армии должна быть поставлена на ту высоту, — заявлял он, — которая требуется воинскими уставами, и залогом поддержания ее на этой высоте должно быть быстрое и правильное отправление правосудия»²³. Только в 1-м корпусе ген. Кутепова военно-полевому суду были преданы (по официальным данным) 75 солдат и офицеров, а 178 осуждены корпусным судом. Карательные органы действовали по тем же правилам, которые в свое время применялись в Крыму. Приговаривали к смертной казни, каторжным работам и арестантским отделениям, около 40 офицеров были разжалованы в рядовые²⁴. Вот один из примеров: 12 мая 1921 г. был расстрелян Б. Копп — старший унтер-офицер 1-го кавалерийского полка, обвинявшийся в том, что он вел «агитацию среди воинских чинов своего полка, направленную на разложение армии, убеждал уходить из армии»²⁵.

Белое командование видело свою задачу в том, чтобы создать в эмиграции «надежный и вполне подготовленный кадр будущей армии»²⁶. Сразу же в Галлиполи и других лагерях началась усиленная муштра солдат и офицеров. В поле проводились тактические учения, даже двусторонние маневры. Офицеры тренировались, участвуя в штабных военных играх²⁷. До 3 тыс. человек обучалось в учебных командах армейского корпуса. В программе занятий с солдатами были и штыковой бой, и самоокапывание, и изучение уставов. Каждый день начинался и заканчивался молитвами. Когда после вечерней молитвы наступал наконец желанный отдых, вспоминал об этих днях бывший галлиполиец, «мы бросались в своем сарае на одеяла, разостланные по полу, и погружались в тяжелый сон. Раздеваться нельзя. Слишком холодно. И так изо дня в день»²⁸.

В феврале 1921 г. Врангель произвел смотр своих войск. Он посетил Галлиполи и остров Лемнос. В это время в трех корпусах (1-м армейском, Кубанском и Донском) числилось 48 319 человек, значительную их часть составляли офицеры²⁹. Хотя не в полном составе, но сохранялись дивизии, полки, батальоны, батареи и эскадроны, а также военные училища. Продолжалось производство из юнкеров в офицеры. Чтобы поднять боевой дух солдат, в Галлиполи усиленно муссировались слухи о международном десанте, который готовится против Советской России³⁰. Генерал Краснов в январе 1921 г. предлагал сформировать с этой целью четыре корпуса: два — силами русской белой армии, один — при помощи Маннергейма и один — силами других иностранцев. Врангелевский генерал А. А. фон Лампе отмечал в своем дневнике, что Краснов «разрабатывает план движения на Петроград со всех сторон на весну 1922 г.»³¹.

В разное время достоянием гласности становились сообщения о попытках организации белых десантов. Шульгин рассказал потом, как он побывал с таким десантом в Крыму, и только пятерым его участникам удалось на шхуне уйти обратно³². Кончилась провалом и попытка генерала Покровского высадиться на Кубани³³. Через десять с лишним лет газета «Возрождение» опубликовала воспоминания

²² И. Лунченков. За чужие грехи. (Казачи в эмиграции). М.-Л. 1925, стр. 21, 22, 25.

²³ Приказ главнокомандующего 1.XII.1920 г., № 3776 (коллекция ЦГАОР СССР).

²⁴ «Русские в Галлиполи. 1920—1921 гг.», стр. 196, 197.

²⁵ Приказ по 1-му армейскому корпусу (коллекция ЦГАОР СССР).

²⁶ «Русские в Галлиполи. 1920—1921 гг.», стр. 136.

²⁷ Там же, стр. 130—132.

²⁸ Г. Федоров. Указ. соч., стр. 47.

²⁹ «Боевой состав русской армии к 12 февраля 1921 г.» (коллекция ЦГАОР СССР).

³⁰ «Русские в Галлиполи. 1920—1921 гг.», стр. 392.

³¹ Дневник фон Лампе, 2 января 1921 г. (коллекция ЦГАОР СССР). В архиве сохранились дневник и досье документов, которые вел фон Лампе на протяжении почти 20 лет, всего более 30 тыс. листов. Будучи представителем Врангеля в Копенгагене и Будапеште, а с 1921 по 1942 г. являясь, как он писал в своей биографии, «главным русским воинских организаций в Германии», Лампе активно участвовал во многих контрреволюционных акциях.

³² В. В. Шульгин. Три столицы. Путешествие в красную Россию. Берлин. 1927, стр. 5.

³³ «Новая Россия» (София), 29.X.1922.

об одном неудавшемся десанте летом 1921 года³⁴. С согласия и при поддержке Врангеля на пароходе «Отважный» под иностранным флагом отправилась тогда к крымским берегам экспедиция белых офицеров. Пароход попал в шторм и после многодневного плавания по Черному морю вернулся в Константинополь. Некоторую часть пути в открытом море одним курсом с белым десантом шел большой турецкий транспорт «Решид-паша»: на нем возвращались в Новороссийск казаки с Лемноса.

«Червь сомнения» уже начал делать свое дело. «Наши пути скоро разошлись», — писал автор воспоминаний. И не случайно штаб Врангеля в Константинополе издавал директиву за директивой, стараясь предотвратить отъезд своих подчиненных на родину. Начальник штаба ген. Шатилов требовал: «Принять все меры к тому, чтобы не нашлось бы желающих возвратиться в Совдепию»³⁵. Но уже в первые месяцы 1921 г. около 7 тыс. врангелевских солдат и казаков вырвались из лагерей и вернулись в Советскую Россию³⁶. Несколько тысяч человек отправились «искать счастья» на плантациях Бразилии, в джунглях Парагвая и Перу. Некоторым удалось перебраться в Константинополь. В ряде воспоминаний красочно отражены условия жизни белоэмигрантов в Константинополе того времени, эмигрантский быт с его хаосом, вакханалией и дикой враждой в той беспощадной борьбе, которую вели «все против всех». Пера — кривая, узкая улочка — стала «русской улицей». Один за другим открывались и прогорали там русские рестораны, тысячи лир проигрывались в лоточных клубах и на тараканьих бегах. Те, кто был вышвырнут революцией, находили для себя порою необычные занятия. Один врангелевец, бежавший из Галлиполи на греческом пароходе, рассказывал: «Кем я только не был: и прачкой, и клоуном, регущером у фотографа, мастером игрушек, судомойкой при столовке, продавал пончики, был хиромантом и грузчиком в порту»³⁷. На неимущих русских смотрели, как на прокаженных. Их положением пользовались и французские власти, которые вели вербовку в Иностранный легион.

А верхи белой эмиграции изобретали новые и новые политические комбинации. Врангель решил сформировать своего рода правительство — «Русский совет», который объявлялся преемственным «носителем законной власти», объединяющим силы, «борющиеся против большевизма»³⁸. В «совет» вошли вместе с П. Н. Врангелем, А. П. Кутеповым, П. А. Кусонским такие крайне правые деятели, как граф В. В. Мусин-Пушкин, И. П. Алексинский, представитель Союза торговли и промышленности Н. А. Ростовцев, член ЦК кадетской партии князь П. Д. Долгоруков, ренегат (бывший социал-демократ) Г. А. Алексинский, который, кстати, отвечал в «совете» за пропаганду. На первом же заседании 5 апреля в Константинополе «Русский совет» пытался потребовать от западных правительств объявления ультиматума Советской власти. Он развил активную «коммерческую» деятельность, занялся распродажей в Европе вывезенных из Крыма и Новороссийска ценностей. Среди приглашенных Врангелем для участия в работе «совета» был и В. В. Шульгин, который в то время выступил с заявлением, что готовый аппарат управления белой эмиграции создаст у большевиков впечатление ее большой силы³⁹. Но никто, даже в эмигрантских кругах, особенно не считался с «правительством» Врангеля. И он сам должен был позже признать, что «в полной мере выявился разброд русской зарубежной общественности» и попытка объединить вокруг остатков белой армии и «Русского совета» «национально мыслящих людей» закончилась неудачей⁴⁰. После переселения «совета» в Сербию борьба в нем различных группировок привела к прекращению его существования осенью 1922 года.

Среди различных идейно-политических направлений, существовавших в белой эмиграции, очень активным был монархизм. Однако не все решались открыто гово-

³⁴ «Возрождение» (Париж), 30.VI и 4.VII.1933.

³⁵ Из письма начальника штаба главнокомандующего русской армией генерала Шатилова командирам 1-го, Кубанского и Донского корпусов от 19 марта 1921 г. (коллекция ЦГАОР СССР).

³⁶ Справка «Русская армия и флот на чужбине» (коллекция ЦГАОР СССР).

³⁷ Г. Федоров. Указ. соч., стр. 154.

³⁸ «Русский совет». Париж. 1921, стр. 3.

³⁹ Обзор деятельности «Русского совета» (коллекция ЦГАОР СССР).

⁴⁰ Врангель — Кутепову, Миллеру и др. 18 июля 1923 г. (коллекция ЦГАОР СССР).

речь о нем, пытаясь представить себя борцами «за новую Россию», а не за восстановление на русском престоле Романовых. Считал опасным публично выпячивать свой монархизм и Врангель, хотя в доверительных письмах подчеркивал, что по «убеждениям своим он монархист» и что «столь же монархично, притом сознательно» большинство белой армии. В одном из писем генерал предавался мечтам о возрождении в России «монархического образа правления»⁴¹; те же монархисты, которые не скрывали своих взглядов, собрались в мае 1921 г. на съезд в баварском курортном городе Райхенгалле и приняли резолюцию, где высказывалась уверенность, что уцелевшие врангелевские части станут основным кадром «будущей императорской русской армии». Избранный на этом съезде Высший монархический совет во главе с известным реакционером Н. Е. Марковым-2 занялся, по свидетельству Лампе, «разработкой норм временного управления Россией после падения большевиков»⁴². Одна группа монархистов свои расчеты строила на помощи со стороны Германии, другая — Франции. Первых было большинство, ни один «франкофил» не попал в Высший монархический совет. Министерство иностранных дел Германии с удовлетворением отметило, что в Райхенгалле принят прогерманский курс⁴³.

Монархический совет обосновался в Берлине. Здесь и в других частях Германии, особенно в Баварии, нашла себе приют значительная часть монархистов. Белоэмигрант генерал Бискупский стал одним из руководителей общества «Ауфбау», созданного в Мюнхене милитаристскими германскими кругами и предназначавшегося для развития торгово-промышленных отношений с Югом России после «ликвидации» там Советской власти. Бискупский был близок и к Высшему монархическому совету, и к немецкому ген. Э. Людендорфу, выступавшему за интервенцию против Советской России, а также к начинавшим уже проявлять активность национал-социалистским группам⁴⁴. До 1921 г. германское правительство помогало содержать остатки «Западной добровольческой армии»⁴⁵. Ее бывший командующий ген. Авалов-Бермонт жил в Гамбурге. Он тоже «планировал» поход на Москву, даже разработал проект состава московской комендатуры⁴⁶. О намерении сформировать новые отряды и создать организации для активной борьбы с Советской Россией объявили в то время Глазенап, Шкуро, Бичерахов и другие белогвардейцы⁴⁷. Наиболее авантюристические элементы белой эмиграции продолжали твердить о своей верности «принципу вооруженной борьбы».

В Париже летом 1921 г. такую задачу поставил съезд «Русского национального объединения». 300 человек — представителей российской контрреволюции устраивали овацию при всяком упоминании о белой армии. Претендуя на роль объединителей белой эмиграции, они избрали «национальный комитет» под председательством правого кадета, бывшего министра Временного правительства А. В. Карташева⁴⁸. Но и эта попытка создания единого центра контрреволюционных сил, как и другие, потерпела неудачу. Съезд, на котором собрались правые кадеты и октябристы, лишь более четко обозначил раскол эмиграции на разные группировки. Многие эмигрантские организации не принимали в нем участия.

К апрелю 1921 г. французское правительство, по его данным, израсходовало на содержание врангелевской армии 200 млн. франков. Эта сумма якобы только на

⁴¹ Врангель — Краснову. 16 января 1922 г.; Врангель — Горемыкину. 12 июля 1922 г. (коллекция ЦГАОР СССР).

⁴² Дневник фон Лампе, 4 марта 1923 года.

⁴³ Н.-Е. Volkman. Op. cit., S. 83.

⁴⁴ Справка: «Русские в Мюнхене. 1923 г.»; «Русские военные группировки в Германии. 1923 г.» (коллекция ЦГАОР СССР). В 1936 г. фашистские власти назначили Бискупского начальником управления делами российской эмиграции в Германии («Возрождение», 5.V.1936).

⁴⁵ Н.-Е. Volkman. Op. cit., S. 73.

⁴⁶ Дневник фон Лампе, 4 марта 1923 года.

⁴⁷ Справка «Русские военные группировки в Германии. 1923 г.».

⁴⁸ «Съезд русского национального объединения. 5—12 июня 1921 г.». Париж. 1921. В создании этого комитета активное участие принимали В. Л. Бурцев — редактор эмигрантской газеты «Общее дело», развернувший на ее страницах оголтелую антисоветскую кампанию, П. Б. Струве — известный реакционер, бывший врангелевский министр иностранных дел, В. Д. Набоков — один из лидеров кадетской партии и др.

¹/₄ покрывалась стоимостью переданных Франции Врангелем судов и товаров⁴⁹. Верховный комиссар Французской республики в Константинополе ген. Пеллэ в конце марта сообщил Врангелю о решении прекратить кредит. «Напрасно было бы думать,— говорилось в официальном сообщении из Парижа по этому поводу,— что большевиков можно победить русскими или иностранными вооруженными силами, опорная база которых находилась вне пределов России, и вдобавок победить с помощью солдат, которые в момент наилучшего состояния армии в Крыму на родной почве не оказались в состоянии защитить его от прямого нападения советских войск»⁵⁰.

В первой половине 1921 г. Советская власть победила в Грузии, были разгромлены Кронштадтский контрреволюционный мятеж и кулацкие восстания в центральных губерниях. 16 марта 1921 г. в Лондоне министр торговли Р. Хорн от имени Великобритании и Л. Б. Красин от имени РСФСР подписали торговое соглашение. В тех условиях это был политический акт огромного значения — фактическое признание Советского правительства крупнейшей европейской державой. Врангелевцы очутились в сложном положении. Они старались разжигать у своих союзников интерес к белой армии, но французское правительство А. Бриана поняло, что ставка на Врангеля бесперспективна. Премьер Франции был озабочен тем, как опередить своих капиталистических конкурентов и успеть занять место на русском рынке. С другой стороны, во Франции помнили об угрозе со стороны Германии. Происходившие в Европе изменения и отказ Франции финансировать содержание воинских команд, находившихся в лагерях под Константинополем, заставили врангелевцев рассредоточить остатки белой армии по разным странам. 10 мая 1921 г. Врангель писал своим представителям и военным агентам, что «армия будет существовать в полускрытом виде, но она должна быть сохранена во что бы то ни стало». Он предупреждал о необходимости заменить термин «русская армия» термином «контингенты армии» и успокаивал, что на это следует смотреть как на «условную уступку»⁵¹.

Представитель Врангеля в Болгарии ген. Вязьмитинов подписал с начальником штаба болгарской армии полковником Топалджиковым соглашение о переброске в эту страну из Турции частей белой армии, но без оружия. Переезд их закончился в середине декабря 1921 года. В южной части Болгарии разместился Донской корпус (около 5 тыс. человек). Штаб его находился в г. Стара Загора. На севере и северо-востоке был расквартирован 1-й армейский корпус (до 13 тыс. человек) со штабом в г. Тырново⁵². В Болгарии белое командование также старалось сохранить строевой и казарменный порядок. Но жизнь брала свое. Казаки скоро стали создавать трудовые артели, которые подряжались на строительные работы, рубку леса, в шахты и т. д. Непосредственные контакты с болгарскими рабочими, пропаганда коммунистов оказывали влияние на сознание определенной части русских солдат и казаков. До 11 тыс. человек (главным образом казаков) переселились из-под Константинополя в Югославию, и бывший российский посол в США В. А. Бахметьев перевел Врангелю 400 тыс. долл. на их устройство. В г. Сремски Карловцы переехал со штабом и сам «главнокомандующий». Казаки использовались в Югославии на разных работах, а 1-я кавалерийская дивизия (более 3300 человек) находилась на службе в корпусе пограничной стражи королевства⁵³.

В Югославии врангелевцы пытались создать своего рода «государство в государстве». В марте 1922 г. глава сербской крестьянской партии М. Московлевич обратился в скупщине с запросом к правительству: «Известно ли вам, кто такой Врангель и признает ли его наше правительство?.. Если не признает, то как он может иметь

⁴⁹ «Правда», 21.IV.1921.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Письмо Врангеля военным представителям и военным агентам. Яхта «Лукулл». 10.V.1921 (коллекция ЦГАОР СССР).

⁵² Справка «Русская армия и флот на чужбине». По данным, которые приводят в своей книге советский историк Г. И. Чернявский и болгарский историк Д. Даскалов, численность армии Врангеля в Болгарии достигала 24 тыс. человек. Кроме того, еще в январе 1920 г. в Болгарию прибыло до 10 тыс. офицеров и солдат из разгромленной армии Деникина. Г. И. Чернявский и Д. Даскалов считают, что общее число белоземгрантов в Болгарии к началу 1922 г. составляло около 36 тыс. человек (Г. И. Чернявский и Д. Даскалов. Борбата на БКП против врангелисткия заговор. София. 1964).

⁵³ Справка «Русская армия и флот на чужбине».

своего военного агента и своего помощника в Белграде, которые распоряжаются судьбой русских беженцев?.. Известно ли вам, каким гонениям подвергаются те русские, которые не желают быть орудием для авантюристических замыслов Врангеля и его помощников?»⁵⁴. Министр иностранных дел М. Нинчич ответил очень невразумительно, сославшись на то, что пребывание Врангеля якобы носит «совершенно частный характер». Сам Врангель, однако, подчеркивал, что переговоры о размещении армии велись непосредственно с правительством королевства Сербии, Хорватии и Словении. Представитель командования врангелевской армии ген. П. Н. Шатилов был принят по этому поводу председателем совета министров Н. Пашичем и королем Александром⁵⁵. В то время, когда Компартия Югославии находилась в подполье, а ее фракция в парламенте была арестована, белоэмигрантские организации, прежде всего монархисты, чувствовали себя в этой стране совершенно свободно. Не было тайной, писал югославский историк Ф. Чулинович, что они встречаются, договариваются, строят планы и готовятся к новой войне против Советской России⁵⁶.

По соглашению с правительствами Т. Масарика и М. Хорти некоторая часть врангелевцев поселилась в Чехословакии и Венгрии. Правда, когда к венгерскому диктатору пришел по поручению Врангеля для выяснения обстоятельств размещения воинских контингентов Лампе, то он сразу понял, что, «несмотря на любезный прием», о русской белой армии Хорти «думает мало», потому что не считает ее силой⁵⁷. А когда в Югославии врангелевцы приняли участие в антивенгерских выступлениях, правительство Хорти заявило о своем стремлении ограничить их размещение в Венгрии. Тем не менее и здесь появились белоэмигрантские организации. В декабре 1921 г. в Будапеште было образовано «Русское монархическое объединение» во главе с Казем-Бекем⁵⁸. Несколько иная ситуация сложилась в Чехословакии, буржуазное правительство которой задумало проведение «русской акции». Оно оказывало широкую материальную поддержку самым различным эмигрантским организациям и учреждениям, которые должны были сохранить и подготовить кадры для «будущей России». В Праге были созданы Русский юридический факультет (при университете), Кабинет по изучению России и другие учреждения. Чехословацкое правительство разместило на сельскохозяйственных работах несколько тысяч казаков, учредило многочисленные стипендии для белых офицеров и солдат в различных учебных заведениях. Большая часть студентов-эмигрантов состояла в «Обществе галлиполийцев» и числила себя одновременно в рядах армии. Галлиполийцы считали себя лучшими носителями «белых традиций». Они пользовались особой поддержкой со стороны буржуазной народно-демократической партии, лидер которой К. П. Крамарж, первый премьер-министр Чехословакии, был известен как решительный сторонник «вооруженной борьбы с большевиками»⁵⁹.

В характерной для белой эмиграции обстановке закулисных интриг, взаимной грызни и склоки не было никакого единства даже в однородных, казалось бы, по своему социальному составу группировках. К старым разногласиям прибавлялись новые. Глава Высшего монархического совета Марков-2 интриговал против «генералов», которые, по его словам, «взяли все в свои руки», а те обвиняли Маркова-2 в «сепаратной деятельности» и попытках подчинить себе «русскую армию». В марте 1922 г. в Берлине заявили о своем существовании так называемые конституционные монархисты. Председатель ЦК этой малочисленной, но крикливой организации Е. А. Ефимовский выступил в поддержку Врангеля и его сподвижников. Однако прошло немного времени, и тот же Ефимовский обрушился с критикой на белое командование. Масла в огонь подлило сообщение о том, что вел. кн. Кирилл Владимирович (двоюродный брат Николая II) объявляет себя «блюстителем» русского трона. Началась ожесточенная борьба между сторонниками двух великих князей: Николая Николаевича (двоюродный дядя Николая II) и Кирилла Владимировича. Если первый прикры-

⁵⁴ F. Čulinović. Jugoslavija između dva rata. T. I. Zagreb. 1961, str. 391—392.

⁵⁵ В. Давац. Годы. Белград. 1926, стр. 136.

⁵⁶ F. Čulinović. Op. cit., str. 390.

⁵⁷ Дневник фон Лампе, 23 марта 1921 года.

⁵⁸ Справка о деятельности русских монархистов в Венгрии (коллекция ЦГАОР СССР).

⁵⁹ «Возрождение», 28.V.1937.

вал свой монархизм заявлениями о том, что он «не предпринимает будущего образа правления России», то второй откровенно выдвинул романовский лозунг: «За веру, царя и отечество!». Выступая в г. Сремски Карловцы 5 мая 1923 г., Врангель заявил о подчинении вел. князю Николаю Николаевичу⁶⁰. Николаевцы развернули активную агитацию против новоиспеченного «претендента» на престол. Летом и осенью 1923 г. И. П. Алексинский, бывший член «Русского совета», совершил в этих целях поездку по разным центрам белой эмиграции⁶¹.

В 1923 г. и весной 1924 г. среди русской белоэмиграции вновь поползли слухи об интервенции в Советскую Россию. «Скоро в поход», — объявил бывший донской атаман Краснов. В «Открытых письмах» казакам-эмигрантам он пытался уверить их, что вел. кн. Николай Николаевич «полон жизненной силы» и «уже сейчас приступил бы к работе» (то есть к вооруженной борьбе с Советской властью. — Л. Ш.), но дело, оказывается, лишь в том, что не было у князя ни одной десятины русской земли, на которую он мог бы опереться⁶². Тем временем 31 августа 1924 г. в Кобурге вел. кн. Кирилл сам провозгласил себя «императором всероссийским». Он заявил, что в течение года вернется в Россию. Высший монархический совет стал оспаривать «Манифест» Кирилла с точки зрения толкования ст. 185 (о престолонаследии) прежних основных законов Российской империи⁶³. Более откровенно высказался Шульгин: «Императорский титул сейчас не помощь, а препятствие для эмиграции»⁶⁴. Во всей этой возне вокруг «императорского трона» было много ярмарочного бума, но присутствовал здесь и расчет на поддержку со стороны реакционных кругов ряда держав, продолжавших вынашивать идею свержения Советской власти.

Обанкротившиеся лидеры «белого движения» готовы были активно выступить на стороне внутренних сил реакции в тех странах, где сосредоточивалась русская белоэмиграция⁶⁵. Так, после подписания в Рапалло делегацией РСФСР договора с Германией активизировались монархисты во Франции, возглавленные А. Ф. Треповым, предпоследним царским премьер-министром. Им хотелось бы нанести «как можно скорее решающий удар против большевиков», поскольку они предвидели признание в ближайшем будущем Советской России также и Францией⁶⁶. На Генуэзской конференции Г. В. Чичерин сделал заявление о преступных планах новой войны против Советской республики: он передал Секретариату конференции документы о подготовке выступления врангелевских и других отрядов с польской и румынской территории. Вслед за этими разоблачениями последовало раскрытие врангелевского заговора в Болгарии.

Болгарские и советские историки достаточно подробно исследовали события 1922 г. в этой стране⁶⁷. Болгария как участница четверного союза во время первой мировой войны не имела права, согласно Нейскому мирному договору 1919 г., на всеобщую воинскую повинность. Ее вооруженные силы составляли всего 6,5 тыс. человек, включая и полицию. Более многочисленные контингенты врангелевских войск, вступив на болгарскую землю, представляли собой опасность для находившегося в те годы у власти правительства А. Стамболийского, сформированного аграрной мелкобуржуазной партией — Болгарским земледельческим народным союзом (БЗНС). Это правительство провело некоторые реформы, носившие прогрессивный, демократический характер. Внутренняя реакция принимала все меры к тому, чтобы свергнуть правительство БЗНС. В этом ей активно помогала белая эмиграция. «С первого дня появления врангелевской армии в Болгарии, — пишут Г. И. Чернявский

⁶⁰ Дневник фон Лампе, 17 мая 1923 года; «Новое время» (Белград), 17.V.1923.

⁶¹ П. Н. Милуков. Россия на переломе. Т. II. Париж, 1927, стр. 250.

⁶² П. Краснов. Открытое письмо казакам. 19.XI.1923, № 4. Париж (коллекция ЦГАОР СССР).

⁶³ Обращение «От Высшего монархического совета» (там же).

⁶⁴ Дневник фон Лампе.

⁶⁵ Врангель — Кутепову, Миллеру и др., 18 июля 1923 года.

⁶⁶ Н.-Е. Volkman. Op. cit., S. 91.

⁶⁷ Д. Даскалов. Борбата на българския трудов народ под ръководството на БКП против заговора на Врангел през 1922 година. «Военно-исторически вестник», 1956, № 2; Ц. Николов. Дейността на БКП в защита на Съветска Русия. София, 1960. Наиболее полно история врангелевского заговора освещена в работе: Г. И. Чернявский и Д. Даскалов. Указ. соч.

и Д. Даскалов, — Коммунистическая партия приступила к проведению широкой агитационно-пропагандистской и организационной кампании, направленной на разоблачение действительных целей врангелевцев»⁶⁸. Членам созданной БКП нелегальной организации по разложению врангелевской армии удалось установить, что начальник врангелевской контрразведки полковник Самохвалов ведет по поручению Врангеля переговоры с болгарской фашистской организацией «Военная лига». 17 и 31 марта 1922 г. в Софии коммунисты организовали многотысячные митинги. На них выступали руководители БКП Г. Димитров, С. Димитров, Х. Кабакчиев, Т. Луканов. Они призывали к борьбе против предательства буржуазии, за изгнание врангелевских войск, за братский союз с Советской Россией. Массовые митинги прошли по всей стране.

6 мая во время обыска в канцелярии полковника Самохвалова полиция обнаружила тайный архив врангелевской разведки. 9 мая правительственная газета «Победа» сообщила, что раскрыта сеть военного шпионажа. После этого был произведен ряд арестов и выслано из Болгарии более 100 видных врангелевцев, в том числе Кутепов, Шатилов, Вязьмитинов. Орган болгарских коммунистов газета «Работнически вестник» 16 мая опубликовала манифест «К трудящимся Болгарии». Компартия вновь обращалась с призывом к борьбе за немедленное разоружение врангелевской армии и изгнание за пределы страны ее штабов. Состоявшийся 4—7 июня IV съезд БКП отметил, что развернувшееся под руководством Коммунистической партии мощное народное движение помешало подготовке государственного переворота.

17 августа Врангель предписал генералу Миллеру после того, как будет произведен государственный переворот, вступить в переговоры с болгарскими буржуазными и военными партиями по вопросу о формировании нового кабинета министров «при условии официального признания русской армии и готовности Болгарии стать исходным пунктом для войны против Советской России»⁶⁹. После того, как этот документ был опубликован газетой «Земеделско знаме» в сентябре 1922 г., по всей стране снова прокатилась волна народных выступлений, организованных БКП. Однако действия болгарского правительства были очень непоследовательными. При попустительстве с его стороны врангелевцы сохраняли оружие и военное имущество. 25 декабря бывший лидер октябристов А. И. Гучков писал Врангелю из Берлина: «Насильственный переворот является единственным и последним средством спасти русские контингенты в Болгарии... и сегодня переворот еще возможен. Теперь или никогда»⁷⁰. А когда 9 июня 1923 г. правительство Стамболийского было свергнуто болгарской реакцией, белогвардейские отряды участвовали в фашистском перевороте.

1924 год вошел в историю международных отношений нашей страны как год признаний Советской республики. Дипломатические отношения с СССР установили Франция, Англия, Италия, Австрия, Греция, Норвегия, Швеция, Дания, Мексика, Китай. И не случайно представители белоэмигрантских группировок самого различного толка в то время обращали свои взоры на США. Они искали там помощи. В ноябре 1924 г. в США отправилась жена вел. кн. Кирилла Виктория Федоровна, пытаясь найти поддержку у заокеанских финансовых кругов⁷¹. Представители русских эмигрантских торгово-промышленных кругов С. Н. Третьяков, Н. Х. Денисов и другие также надеялись получить американские кредиты, но для финансирования вел. кн. Николая Никлаевича. А в качестве гарантии они предлагали свое бывшее имущество в России⁷². Отражением общей ситуации стало и заявление Врангеля о необходимости сохранения белой армии под видом объединений и союзов. 1 сентября 1924 г. он объявил о создании РОВС (Российского общевоинского союза), который в 20-х — 30-х годах явился массовым источником антисоветского «активизма». РОВС развернул свои отделы и отделения во многих странах, сначала в Европе, а потом в США и Китае. В одном из документов союза его программа и цели были

⁶⁸ Г. И. Чернявски и Д. Даскалов. Указ. соч., стр. 42 (далее ход событий в Болгарии излагается нами по материалам этой книги).

⁶⁹ Там же, стр. 216—217.

⁷⁰ Гучков — Врангелю, 25 декабря 1922 г. (коллекция ЦГАОР СССР).

⁷¹ Н.-Е. Volkman. Op. cit., S. 108.

⁷² Из информации, подписанной П. Н. Шатиловым. 8 августа 1924 г. (коллекция ЦГАОР СССР).

сформулированы следующим образом: «РОВС с радостью пойдет на сотрудничество с государством, которое заинтересовано в свержении Советской власти...» Стремясь сохранить кадры белой армии до «подходящего момента», РОВС поддерживал связи с бывшими белыми офицерами и солдатами. Продолжая уповать на организацию вооруженной интервенции, Врангель пытался применять и новую тактику, поддерживая так называемую «работу внутри России»⁷³.

* * *

Вопрос о «новой тактике», различных ее проявлениях и формах широко обсуждался в белоэмигрантских кругах. Уже в первые дни после разгрома Врангеля в Крыму кадетская парижская газета «Последние новости», до того безоговорочно его поддерживавшая, выдвигает требование об извлечении уроков из поражений белых армий. П. Н. Милюков, выступая в Париже перед группой членов кадетской партии, заявил: «Рассчитывать на возможность улучшения политики военного командования после стольких неудачных опытов мы, очевидно, более не имеем права»⁷⁴. Он призывал к освобождению от «белого догматизма», к отказу от старых, не оправдавших себя методов борьбы. Правда, Милюков делал оговорку, что не осуждает ни армию как таковую, ни вооруженную борьбу. «Я лишь считаю, — писал он одному из своих корреспондентов, — невозможным продолжение вооруженной борьбы под командой Врангеля, его офицерства и его политиков-чиновников»⁷⁵.

В Берлине, Лондоне, Белграде, Софии среди кадетов образовалась оппозиция Милюкову. В газете «Руль» было опубликовано заявление разошедшихся с Милюковым видных кадетских деятелей И. Петрункевича, Ф. Родичева, Н. Астрова, графини С. Паниной. Они писали, что все «началось из-за отношения к армии, эвакуированной из Крыма, и вступления на путь соглашения с социалистами... Расхождение на этой почве создало резко враждебные настроения и решительное осуждение «новой тактики»...⁷⁶. Остатки кадетской партии раскололись на «правых» и «левых», имевших собственные центры и органы печати. Те и другие оставались непримиримыми врагами Советской республики, спор между ними шел лишь о способах и формах антисоветской борьбы. Одни считали необходимым всемерно поддерживать командование разбитой белой армии и с ней связывали свои надежды на возвращение в Россию; другие, в том числе «демократическая» группа Милюкова (в нее входило сначала около 20 человек), заявляли, что в борьбе с большевиками поддержку от Европы и США может получить только «объединенная русская демократия, вышедшая из мартовской революции» 1917 года.

На почве разногласий по тактическим вопросам раскололись не только кадеты, но также эсеры и меньшевики. Как писал Ем. Ярославский, эсеры разбились тогда на 7—8 групп, говоривших будто на разных языках⁷⁷. У меньшевиков справа выделилась группа, которая в 1922—1925 г. издавала в Берлине двухнедельник «Заря». Милюков решил на сотрудничество с эсерами и 8—21 января 1921 г. вместе с А. Ф. Керенским и Н. Д. Авксентьевым принял в Париже участие в совещании 33 бывших членов Учредительного собрания⁷⁸. Керенский выступил на совещании с внеочередным заявлением. Мы возвращаемся, объявил он напыщенно, «на путь здорового национального и государственного творчества»⁷⁹. Правые эсеры и «левые» кадеты сразу же показали, куда направлено это «творчество». Они призывали иностранные державы объявить недействительными все соглашения, заключенные ими с Советским правительством. Совещание создало что-то наподобие руководящего органа. Как бы в противовес «Русскому совету» Врангеля была избрана Исполнитель-

⁷³ «Справка о Российском общевоинском союзе» (коллекция ЦГАОР СССР).

⁷⁴ П. Н. Милюков. Эмиграция на перепутье (приложение: «Что делать после Крымской катастрофы?» — извлечение из доклада Милюкова, принятого парижской группой партии народной свободы 27 декабря 1920 г.). Париж. 1926, стр. 135.

⁷⁵ Милюков — Петрункевичу, 16 марта 1921 г. (коллекция ЦГАОР СССР).

⁷⁶ «Руль» (Берлин), 10.IX.1921.

⁷⁷ Ем. Ярославский. Третья сила. М. 1932, стр. 115.

⁷⁸ «Правда», 26.I.1921.

⁷⁹ «Бюллетень совещания членов всероссийского Учредительного собрания» (Париж), № 6, 1.II.1921, стр. 10.

ная комиссия. На нее возложили «защиту интересов России за границей»⁸⁰. Комиссия направила Милюкова и Авксентьева в США. Они привезли с собой меморандум, подписанный П. Рябушинским, А. и П. Гукасовыми, Е. Лианозовым, Н. Денисовым и другими российскими капиталистами, который должен был убедить американских финансистов не торопиться с возобновлением торговли с Советской Россией. Побывав в государственном департаменте США, Милюков обнаружил полное совпадение своих взглядов и точки зрения американских официальных кругов⁸¹.

По ряду важных позиций в эмиграции происходило сближение между представителями «буржуазного либерализма» и «мелкобуржуазной демократии». Последние сбросили с себя остатки «социалистической одежды» и признали необходимость введения «начал частной собственности». Весьма любопытна в этом отношении характеристика деятельности эсеров, которую дал монархист А. А. Лампе. «В сущности говоря, — записал он в своем дневнике, — пресловутые эсеры уже давно превратились в не больше как кадетов, т. к. жизнь их, как и всех других, учит уму-разуму, но только они до сих пор не могут отрешиться от того, что они социалисты, и когда им указывают, что социалистический режим — это режим большевиков как последовательных и энергичных проводников именно социалистических идей, то они стараются все время доказать, что коммунисты отошли от социализма, тогда как просто-напросто происходит то, что они — социалисты — перестали быть таковыми, а большевики ими до сего времени остались»⁸².

В то же время Милюков, один из лидеров партии, которая в годы гражданской войны вдохновляла и поддерживала всех белых военных диктаторов, пытался из-за рубежа предложить Советской России «новые решения» ряда вопросов внутренней политики: аграрного, национального, государственного устройства. До революции он выступал за выкуп части помещичьих земель, а теперь заявлял о признании права крестьян на землю, о готовности защищать их интересы от притязаний «старого помещичьего класса». После того, как этот класс в нашей стране был ликвидирован, «изменила свой фронт» и милюковская буржуазная стратегия, повернув от союза с помещиком к союзу с деревенским кулаком⁸³. Бесконечные зигзаги политической линии Милюкова даже в эмигрантской печати назвали «принципиальной беспринципностью».

Следуя своей «новой тактике», лидер кадетов организовал республиканско-демократическое объединение, которое было, как писали сами его участники, «сговором лиц — от левых кадетов до правых социалистов»⁸⁴. Основные положения программы («платформы») объединения поддержали такие деятели, как Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович; эсеры, образовавшие группу «Крестьянская Россия»; некоторые меньшевики из журнала «Заря»⁸⁵. В «платформе» делалось заявление о закреплении земли на правах собственности за крестьянами, об отказе «от коммунистической системы хозяйства». Уступая велению времени, «платформа» содержала требование «демократической, федеративной республики»⁸⁶. Если совсем недавно, в годы гражданской войны, главной заботой лидера кадетов было сохранение в России монархии, то теперь он объявлял о стремлении прийти с «программой глубокой экономической,

⁸⁰ В комиссию входили: кадеты П. Н. Милюков, М. М. Винавер, А. И. Коновалов, В. А. Харламов, эсеры Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов, А. Ф. Керенский, О. С. Минор и др. («Бюллетень совещания членов всероссийского Учредительного собрания», № 6, стр. 7). Главным в деятельности Исполнительной комиссии, как видно из сохранившейся в архиве справки, был «разбор» договоров Советской России с Англией, Польшей, Персией, Афганистаном. Четыре заседания заняло, например, обсуждение англо-советского договора. Бесплодность деятельности комиссии вынуждены были признать даже ее члены, которые вскоре объявили свою работу законченной (коллекция ЦГАОР СССР).

⁸¹ Из протокола заседания парижской демократической группы партии народной свободы, 14 ноября 1921 г. (там же).

⁸² Дневник фон Лампе, 22 августа 1924 года.

⁸³ «Правда», 8.VIII.1924.

⁸⁴ «Три платформы республиканско-демократических объединений (1922—1924)». Политический комментарий П. Н. Милюкова. Париж. 1925, стр. 5.

⁸⁵ Справка «Республиканско-демократическое объединение» (коллекция ЦГАОР СССР).

⁸⁶ «Три платформы...», стр. 16.

социальной реконструкции»⁸⁷. По мнению американского историка У. Розенберга, замысел Милюкова «повернуть партию влево», разработать «народную» политику имел совершенно определенную цель: «вызвать массовые бунты внутри России»⁸⁸. С таким заключением можно согласиться в том смысле, что одним из главных моментов в «новой тактике» контрреволюции была ставка на «преодоление большевизма изнутри», на его «разложение внутренними силами». Творцы «новой тактики» пророчили гибель Советской власти, надеясь на обострение внутренних противоречий между классами рабочих и крестьян и ослабление диктатуры пролетариата.

В. В. Шульгин, один из тогдашних «теоретиков» белого движения, пропагандист возрождения белой армии, принялся убеждать Милюкова отказаться от своих планов. «Быть может, вы увлеклись планами эсеров и эсдеков по взрыву большевиков «изнутри»? — писал Шульгин Милюкову. — Быть может, вы верите в спасительность этих восстаний, по поводу которых вновь заболевший манией величия Александр Федорович (Керенский. — Л. Ш.), как говорят, «принимал поздравления» в Париже. Не увлекайтесь, Павел Николаевич, восстаниями. Во-первых, бабушка еще надвое сказала, чем эти восстания кончатся, а во-вторых, если бы они и кончились благоприятно для восставших, что дадут они вконец измученной России?»⁸⁹. «Вы сами не представляете себе то, что сделали вы с этой русской армией... — отвечал Милюков Шульгину. — Понимаете ли вы, что если она лила свою кровь и несла свои тяжкие жертвы напрасно; что если она в результате своих трудов оказалась не в Москве и Петрограде, а на Лемносе и в Галлиполи, то виноваты в этом вы, Василий Витальевич. Не вы один, но вы первый»⁹⁰. В защиту Шульгина выступил Струве. Началась очередная перебранка лидеров белоэмиграции, которая всегда была характерной чертой жизни русского «зарубежья», бесплодно спорившего о способах «спасения» Россию.

Большое рвение показали в этом отношении эсеры и меньшевики. В. И. Ленин указывал, что они занимали в то время первое место по активности среди контрреволюционных сил⁹¹. Рука эсеров чувствовалась во всех восстаниях против Советской власти. Они проявляли «лихорадочную деятельность на предмет поднятия мятежей или содействия таковым, когда положение республики особенно трудное»⁹², — говорилось в приговоре Верховного революционного трибунала на процессе над правыми эсерами (август 1922 г.). На нем были оглашены документы из архива Административного центра — исполнительного органа эсеровского «Внепартийного объединения», в котором состояла большая часть видных эсеров-эмигрантов⁹³. Представитель этого объединения Зензинов поддерживал постоянные контакты с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем. Тогдашнее чехословацкое правительство щедро субсидировало эсеров. «Здесь мы пользуемся полной самостоятельностью и свободой», — сообщал из Праги Зензинов⁹⁴. 21 декабря 1921 г. он получил от Бенеша одновременно, без каких-либо условий, 80 тыс. крон. Учитывая связи Зензинова с Гоцем, руководившим в то время эсеровским подпольем в Советской России, нетрудно догадаться, куда эти средства шли. Имеются сведения об оказании чехословацким правительством помощи не только эсерам, но и многим другим эмигрантским группировкам⁹⁵.

И эсеры, и меньшевики поддерживали кронштадтских мятежников; с последними пытались установить связи самые разные деятели русской контрреволюционной эмиграции, от Чернова до Махно⁹⁶. Так, Чернов прибыл в Ревель сразу же после известий о начале мятежа — 8 или 9 марта. Берлинская газета «Голос России»

⁸⁷ П. Н. Милюков. Эмиграция на перепутье, стр. 136.

⁸⁸ W. G. Rosenberg. Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional Democratic Party, 1917—1921. Princeton (N. Y.), 1974, p. 448.

⁸⁹ Шульгин — Милюкову, 11 марта 1921 г. («Общее дело», 9. IV. 1921).

⁹⁰ «Последние новости», 19. IV. 1921.

⁹¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 304—305.

⁹² «Известия», 9. VIII. 1922.

⁹³ М. Н. Покровский. Что установил процесс так называемых социалстов-революционеров, стр. 63, 64.

⁹⁴ Зензинов — Чернову, 8 октября 1921 г. (коллекция ЦГАОР СССР).

⁹⁵ «Rudé Právo», 17. V. 1968.

⁹⁶ С. Н. Семанов. Указ. соч., стр. 120—136.

сообщала: «В. М. Чернов готовился в случае падения Петербурга провозгласить новое русское правительство»⁹⁷. Приведем еще один любопытный факт, обнаруженный в переписке Чернова. Видный эсер В. В. Сухомлин предлагал ему создать в Ревеле совместно с меньшевиками «Комитет действия». Эсеровская пражская газета «Воля России», называвшая себя беспартийной, должна была стать рупором этого комитета⁹⁸. Известно, что кронштадтские мятежники в целях пропаганды избрали тактику использования отдельных советских лозунгов. В донесении агентов Б. В. Савинкова о событиях в Кронштадте она была охарактеризована следующим образом: «Из тактических соображений Комитет этот (возглавлявший мятеж. — Л. Ш.) объявил себя ярым приверженцем Советской власти, отвергая лишь диктатуру Коммунистической партии, рассчитывая, что коммунистам при такой платформе трудно будет повести против них — защитников Советов — советские части. Все лозунги были выставлены главным образом в расчете, чтобы выбить оружие пропаганды и обвинений по отношению к кронштадтцам из рук коммунистов»⁹⁹. Лозунг «Советы без большевиков» был подхвачен Милюковым в надежде на «передвижку» власти. Милюков, этот умный вождь русской крупной буржуазии, говорил В. И. Ленин, кое-чему научился, он сразу выявил свою готовность принять даже Советскую власть — только без большевиков, только для того, чтобы свергнуть диктатуру пролетариата¹⁰⁰.

И не случайно во время кронштадтского мятежа «Правда» приводила выдержку из милюковских «Последних новостей», которые, ссылаясь на мнение русских эмигрантских торгово-промышленных кругов, писали о необходимости во что бы то ни стало поддержать тех, кто содействует падению большевиков¹⁰¹. Далее шли сообщения о том, что Никополь-Мариупольское металлургическое общество и другие организации российских капиталистов за рубежом перевели на эти цели крупные суммы¹⁰². По планам контрреволюционеров развитие событий в Кронштадте должно было получить поддержку со стороны подпольных групп в Петрограде. Агенты Савинкова сообщали, что там «давно уже работала организация для подготовки переворота внутри». Падение мятежной Кронштадтской крепости, с сожалением писали авторы донесения, не дало возможности привести в исполнение эти планы¹⁰³.

Но скрытая и ожесточенная борьба против Советской власти продолжалась в разных формах. Савинков, руководивший так называемым Русским политическим комитетом в Варшаве, при поддержке польского генштаба формировал вооруженные отряды, которые засылались на советскую территорию. Разочаровавшись в белом движении, Савинков решил сделать ставку на «зеленых». «Мысль моя была такова, — разъяснял он план своих действий, — чтобы попытаться придать более или менее организованную форму зеленому движению, попытаться вызвать большое массовое крестьянское восстание, посылать в Россию людей именно с этими задачами»¹⁰⁴. В конце марта 1921 г. «Правда» поместила сообщение о планах Савинкова с выдержками из его секретного послания военному министру Франции, которые были опубликованы рижской газетой «Новый путь»¹⁰⁵. Этот документ, кстати, был послан и британскому военному министру У. Черчиллю, и польскому военному министру К. Соснковскому. Желая, видимо, набить себе цену, Савинков писал, что после падения Врангеля именно он, Савинков, представляет единственную «реальную антибольшевистскую силу, не

⁹⁷ «Голос России», 12.III.1921.

⁹⁸ Сухомлин — Чернову, 7 марта 1921 г. (коллекция ЦГАОР СССР).

⁹⁹ Информационное бюро Русского эвакуационного комитета в Польше, 18 апреля 1921 г. Варшава. Копия сведений о событиях в Петрограде и Кронштадте, полученных от агентов (коллекция ЦГАОР СССР).

¹⁰⁰ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 53. Позже в газетах была обнародована переписка монархистов Н. Тальберга и Н. Батюшина, из которой следует, что и монархисты вслед за кадетами, меньшевиками и эсерами готовы были сделать «уступки требованиям времени» и «принять» Советы в случае захвата власти («Известия», 18.II.1922).

¹⁰¹ «Правда», 24.III.1921.

¹⁰² «Правда», 23 и 24.III.1921.

¹⁰³ Информационное бюро Русского эвакуационного комитета в Польше, 18 апреля 1921 г.

¹⁰⁴ «Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР». М. 1924, стр. 118.

¹⁰⁵ «Правда», 31.III.1921.

положившую до сих пор оружия»¹⁰⁶. Судьба Савинкова известна: этот политический авантюрист закончил свой путь на скамье подсудимых в августе 1924 года. Преступления правых эсеров — участие в вооруженных антисоветских восстаниях, экспроприации, диверсии, террористические акты, подпольная деятельность против Советской власти были вскрыты на процессе, состоявшемся на два года раньше: в июне — августе 1922 года. Активную подрывную работу на территории СССР пытался развернуть «Центр действий» — контрреволюционная организация, созданная в Париже бывшим председателем «Верховного управления Северной области», лидером партии народных социалистов Н. В. Чайковским. В марте — апреле 1924 г. в Киеве состоялся судебный процесс над представителями этого «Центра».

Отмечая, как ему казалось, что «становится более легким проникновение в Россию», Врангель указывал своим подчиненным на «возможность работы внутри России»¹⁰⁷. 1 октября 1923 г. Лампе записал в своем дневнике о «фантастическом проекте внедрения белых летчиков в красную авиацию», который предлагал Гучков.

В дневнике Лампе приводятся данные о попытке врангелевцев организовать террористический акт против советских представителей в Германии и другие факты «белоэмигрантского активизма». «Довольно сентиментальничать!» — восклицали белые террористы из созданной в Болгарии «Боевой дружины спасения родины»¹⁰⁸. 10 мая 1923 г. белогвардейцы Конради и Полунин псдло убили В. В. Воровского — генерального секретаря советской делегации на Лозаннской конференции. Убийцы были не только оправданы швейцарским судом, но и возведены буржуазной печатью в сан мучеников и героев. Защитник убийц на суде адвокат Т. Обер создал после этого «Лигу по борьбе с III Интернационалом». Штаб-центры «Лиги» во многих странах имели в своем составе воинствующих представителей белой эмиграции.

Все эти акты террора, мятежи, попытки осложнить внутреннее положение Советской республики после того, как Красная Армия разгромила внутреннюю и внешнюю контрреволюцию, были продолжением, хотя и в новых формах, военно-политического сопротивления свергнутых революцией эксплуататорских классов. Но главным в «новой тактике» контрреволюции в условиях новой экономической политики был расчет на использование легальности, расчет на «врастание» в советский режим и на его перерождение. Лидер эсеров Чернов, который выехал за границу в конце 1920 г., выдвигал перед оставшимися в Советской России членами своей партии задачу завоевания, при малейшей возможности, «фабзавкомов, делегатских собраний, профсоюзов, беспартийных конференций и вообще всех низовых рабочих органов»¹⁰⁹. По мнению Чернова, для эсеров было вполне приемлемым организованное возвращение в Советы, как только обстоятельства позволят это сделать. Что касается Милюкова, то, заявив, что Кронштадт «пришел слишком рано»¹¹⁰, он и его сторонники надеялись на то, что трудности, с которыми встретилась Советская власть в сфере экономики, где идет «борьба с ежедневными мелочами жизни», постепенно приведут к системе, основанной на свободной хозяйственной инициативе и частной собственности¹¹¹.

XII Всероссийская конференция РКП(б) в августе 1922 г. обратила внимание на имеющиеся в антисоветском лагере факты частичного изменения тактики и перегруппировок, подчеркнула опасность попыток использовать советскую легальность в контрреволюционных интересах¹¹². Известно, что В. И. Ленин, дав всесторонний анализ нэпа, наметил пути продвижения вперед для обеспечения победы социализма. В течение 1921 г. многие задачи нэпа еще не были достигнуты и за рубежом, в белоэмигрантских кругах особенно, в то время не было недостатка в пророчествах насчет скорого падения Советской власти. Наиболее откровенно эти настроения выра-

¹⁰⁶ Савинков — г. военному мин. Франции, 25 января 1921 г. (коллекция ЦГАОР СССР).

¹⁰⁷ Врангель — Кутепову, Миллеру и др., 18 июля 1923 года.

¹⁰⁸ «Известия», 25.III.1922.

¹⁰⁹ «Тактические позиции партии». Рукопись В. М. Чернова (коллекция ЦГАОР СССР).

¹¹⁰ «Последние новости», 22.IV.1921.

¹¹¹ «Три платформы...», стр. 52, 33.

¹¹² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 2, стр. 390.

зил фабрикант П. П. Рябушинский с трибуны торгово-промышленного съезда, состоявшегося в мае 1921 г. в Париже. Он заявил: «Мы смотрим отсюда на наши фабрики, а они нас ждут, они нас зовут. И мы вернемся к ним, старые хозяева, и не допустим никакого контроля»¹¹³. Восстановление «прав собственности» — вот на чем, по словам Рябушинского, нужно было настаивать. Он ратовал за установление контактов с «новой буржуазией» в России, за объединение «двух могучих сил буржуазии»: торгово-промышленного класса и интеллигенции, называя Милюкова одним из ее лидеров¹¹⁴. Милюковцы также подчеркивали свою близость к торгово-промышленным кругам¹¹⁵.

Представители торгово-промышленного класса, как они себя называли, открыли кампанию лжи против Советской России. Было объявлено, что «Торгпром», взявший на себя «представительство общих интересов русской промышленности и торговли за границей», будет разъяснять правительствам иностранных государств «опасные последствия заключения торговых договоров с Советской Россией»¹¹⁶. В. И. Ленин писал о той части белогвардейской буржуазии, которая «превосходно понимает значение концессий и заграничной торговли для Советской власти», внимательно следил за белоэмигрантской прессой и видел, что она прилагала все усилия к срыву торговых договоров с РСФСР¹¹⁷. Несомненно, это был один из характерных элементов «новой тактики» контрреволюции. В данном вопросе различные группировки белой эмиграции были единодушны: съезд монархистов в Райхенгалле, совещание бывших членов Учредительного собрания в Париже, торгово-промышленный съезд, так называемый Русский парламентский комитет и другие — все они выступали с протестами по поводу каждого нового факта признания Советского государства или договора, заключенного с Советской Россией.

Вот одно из реальных проявлений столкновения интересов русских эмигрантских и иностранных капиталистов. Примечательна в этой связи запись, сделанная в протоколе заседания парижской группы партии кадетов, от 12 января 1922 года. В ней отмечается, что делегация русских торгово-промышленных кругов из Парижа побывала в Берлине. В беседах с членами делегации видные германские банкиры и промышленники откровенно высказали им, что «без России они жить не могут и в Россию немедленно пойдут. Но они заявляют, что не имеют желания идти в Россию вместе с русскими промышленниками, так как капиталов ни у них, ни за ними нет, что при их помощи концессии в России не добудешь»¹¹⁸. Примерно тогда же представители деловых кругов 12 государств собрались во французском городе Бордо для обсуждения вопросов «защиты» интересов иностранного капитала в России. Они пытались использовать кампанию, начатую белой эмиграцией против развития экономических связей с Советской республикой, чтобы навязать Советскому правительству невыгодные условия соглашения. Но, как замечала по этому поводу газета «Известия» в статье 1922 г., «и те, и другие считают без хозяина»¹¹⁹. Несмотря на оголтелую антисоветскую кампанию, правительство нашей страны в 1921—1924 гг. получило более 1200 предложений на открытие концессий¹²⁰, однако проявляло большую осторожность при заключении концессионных договоров. В тогдашних условиях концессии были одной из форм госкапитализма, пределы которого устанавливались и ограничивались Советским государством, сохранявшим в своих руках командные высоты в народном хозяйстве.

Те эмигранты, которые не закрывали глаза на факты, чем дальше, тем больше должны были видеть в Советской власти реальную политическую силу. К признанию

¹¹³ «Правда», 16.VI.1921. Съезд был созван по инициативе созданных за границей Российского финансово-промышленно-торгового союза («Торгпром»), Всероссийского союза промышленности и торговли и Комитета частных коммерческих банков.

¹¹⁴ «Последние новости», 18 и 24.V.1921.

¹¹⁵ Из протокола заседания парижской демократической группы партии народной свободы, 5 января 1922 г. (коллекция ЦГАОР СССР).

¹¹⁶ «Последние новости», 24.V.1921.

¹¹⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 52, стр. 183.

¹¹⁸ Из протокола заседания парижской демократической группы партии народной свободы, 12 января 1922 г. (коллекция ЦГАОР СССР).

¹¹⁹ «Известия», 16.II.1922.

¹²⁰ См. «История СССР», 1959, № 4, стр. 38.

этого факта отдельные деятели эмиграции пришли еще в конце гражданской войны. Именно на этой почве среди эмигрантской интеллигенции возникло «сменовеховское» течение.

* * *

Н. В. Устрялов — кадет, один из главных идеологов «сменовеховства», председатель «восточного отдела Центрального комитета партии народной свободы», поддерживавший, по его собственным словам, омское правительство Колчака «до последней минуты его существования», выпустил в Харбине после падения этого правительства сборник своих статей¹²¹. По мнению Устрялова, в сфере политической практики никогда и ни в чем нельзя зарекается; сегодняшний враг может стать завтра другом, и наоборот. «После крушения власти адмирала Колчака и генерала Деникина русские националисты очутились как бы над неким провалом... Начинать с начала то, что трагически не удалось при несравненно лучших условиях и при неизмеримо богатейших данных, — могут в лучшем случае лишь политические Дон-Кихоты. Следовательно, нужно искать другой выход»¹²². Устрялов призывал пойти «на подвиг сознательной жертвенной работы с (Советской. — Л. Ш.) властью, во многом нам чуждой... но единственной, способной в данный момент править страной и взять ее в руки»¹²³. Эта мысль повторялась потом и в выступлениях других «сменовеховцев», притом находившихся в разных странах. «Мы считаемся с тем, — заявил, например, в Париже бывший член Временного правительства и обер-прокурор синода В. Н. Львов, — что Советская власть представляет собой национальную силу русского народа. Наша политика сводится к признанию того, во-первых, что факты остаются фактами; во-вторых, что советская организация сильна и жизнеспособна»¹²⁴. Пожалуй, главным отправным пунктом «сменовеховской» идеологии стало признание силы Советской власти, которой внутри России более не противостоят, по выражению Устрялова, «организованные, солидные элементы». Отсюда делался вывод о необходимости «примиренчества» с Советской властью, о неизбежности совместной работы с большевиками¹²⁵.

У «сменовеховцев» наметились две противоречивые тенденции. С одной стороны, Устрялов призывал «русскую общественность» укреплять эту власть, «влияться в нее», поддерживать собирание и восстановление России как великого и единого государства, а с другой — надеялся на процесс «внутреннего органического перерождения Советской власти». Обобщением и развитием этих идей и настроений явился сборник «Смена вех», выпущенный в Праге в июле 1921 года. В качестве авторов, помимо Н. В. Устрялова, в нем выступили буржуазные профессора и публицисты Ю. В. Ключников, С. С. Лукьянов, А. В. Бобрищев-Пушкин, С. С. Чахотин, Ю. Н. Потехин. Их кредо выражалось следующими словами: «Революция была направлена против определенных категорий собственников, у которых и нельзя было вырвать власти, не вырвав собственности. Но глубоко не соответствует действительности утверждение, что собственности в России не существует. На собственности по-прежнему зиждется весь народный уклад, весь быт... Король умер, да здравствует король! Таким образом, все образуется — в России будет и собственность, и частная инициатива, и торговля, и кооперация, не будет только выброшенных за границу прежних собственников»¹²⁶.

¹²¹ Н. Устрялов. В борьбе за Россию. Сборник статей. Харбин. 1920.

¹²² Там же, стр. 1.

¹²³ Там же, стр. 62—63.

¹²⁴ «Руль», 18.XI.1921.

¹²⁵ Странники «новой тактики» (Милюков и др.) резко отмежевывались в этом пункте от «сменовеховцев», называли их даже «агентурой» большевиков. Парижская демократическая группа призывала к энергичному отпору «сменовеховцам», ибо иначе «в иностранных кругах, — говорилось в протоколе заседания этой группы, — создается впечатление, что эмиграция примиряется с большевиками». Из протокола заседания парижской демократической группы партии народной свободы, 14 ноября 1921 г., (коллекция ЦГАОР СССР).

¹²⁶ «Смена вех» (Прага). 1921, стр. 111.

И не случайно решение XII Всероссийской конференции РКП(б) «Об антисоветских партиях и течениях» требовало не забывать о наличии в «сменовеховском» течении (наряду с объективно-прогрессивной его ролью) сильных буржуазно-реставраторских тенденций. «Сменовеховцам обща с меньшевиками и эсерами,— говорилось в решении,— та надежда, что после экономических уступок придут политические в сторону буржуазной демократии и т. п.»¹²⁷. Устрялов и другие авторы «Смены вех» строили прогнозы на будущее с точки зрения своих классовых позиций, в расчете на то, что в России все окончится обычной буржуазной властью. «Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным,— говорил на XI съезде РКП(б) В. И. Ленин.— Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это — основная и действительная опасность»¹²⁸.

Движение «Смена вех» затронуло различные слои белой эмиграции. Оно было сложным, неоднородным, противоречивым. В нем несомненно наличие правого и левого крыла¹²⁹. Если представители правого крыла «сменовеховства» (Н. В. Устрялов и др.) делали ставку на возможность реставрации капитализма и перерождение Советской власти, то те, кто относился к его левому крылу, шли на честное сотрудничество с большевиками. У многих военных специалистов, вступивших в Красную Армию, этот процесс начался еще в 1918 году. Патриотизм, стремление сохранить Россию как великую державу, желание служить народу руководили многими бывшими генералами и офицерами, перешедшими на службу к Советской власти.

Пробуждение патриотических чувств всегда было важным импульсом для тех, кто хотел вернуться на Родину. Так, А. Н. Толстой, возвратившийся из эмиграции в 1922 г., объяснял, что два события положили начало перелому в его душе: война с белополяками в 1920 г., когда он почувствовал, что стал желать победы красным войскам, и голод, принесший страшные бедствия Советской России. Из разных путей, по которым мог идти русский эмигрант, А. Н. Толстой выбрал тот, который ему подсказывали совесть и разум: «Признать реальность существования в России правительства, называемого большевистским, признать, что никакого другого правительства ни в России, ни вне России — нет... Совесть меня зовет не лезть в подвал, а ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, но вколотить в истрепанный бурями русский корабль»¹³⁰. Те, кто, руководствуясь патриотическими чувствами, шел на признание Советской власти, не становились, разумеется, после этого коммунистами. Но сотрудничество с Советской властью открывало для них новые перспективы. Многие старые интеллигенты пришли не только к признанию Советской власти, но и к постепенному восприятию коммунистической идеологии. Политика же Коммунистической партии была направлена, с одной стороны, на борьбу с буржуазно-реставраторскими тенденциями «сменовеховства», с другой — на поддержку тех, кто понимал «сменовеховство» как честное сотрудничество. В условиях Советской России нужно было перевоспитать старую интеллигенцию, привлечь ее к работе¹³¹.

В советской исторической литературе подробно и всесторонне показана та борьба, которую вела в начале 20-х годов Коммунистическая партия против «сменовеховской» идеологии реставраторства, великодержавного шовинизма и буржуазно-националистических взглядов «сменовеховцев», против попыток использования ими легальных возможностей для проведения своей тактики «обволакивания» и приспособленчества. Призыв В. И. Ленина к тому, чтобы уметь различать «классовую правду классового врага», нашел в то время широкий отклик на съездах и конференциях партии, в выступлениях партийных публицистов и литераторов. «Фронту возрождающейся буржуазной идеологии,— писал видный деятель Коммунистической партии А. С. Бубнов,— мы должны противопоставить могучий организованный натиск революционной идеологии коммунизма»¹³². Большую роль играли здесь газеты «Правда»,

¹²⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 2, стр. 393.

¹²⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 94.

¹²⁹ С. А. Федюкин. Указ. соч., стр. 273.

¹³⁰ «Известия», 25.IV.1922.

¹³¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 159.

¹³² А. Бубнов. Указ. соч., стр. 25.

«Известия», «Петроградская Правда», журнал «Под знаменем марксизма», другие органы партийной и советской печати. Резкой критике подвергались многие «сменовеховские» издания, в том числе и газета «Накануне», выходившая в Берлине с марта по июнь 1924 года.

Как известно, партия вела борьбу не со «сменовеховством» в целом, а с его антисоциалистическими тенденциями, с его антисоветской идеологией¹³³. Например, ту же газету «Накануне», вокруг которой группировалось основное ядро заграничных «сменовеховцев» и на страницах которой печатались статьи, отражающие взгляды различных направлений «сменовеховства», не только критиковали, но и поддерживали за те ее выступления, которые были на пользу Советской власти, за призывы к возвращению из эмиграции. Во главе газеты стояли такие лица, как Ю. В. Ключников, Г. Л. Кирдецов, С. С. Лукьянов, П. В. Дюшен, Ю. П. Потехин. Литературное приложение редактировал А. Н. Толстой. В газете печатались фельетоны и рассказы М. Булгакова, В. Катаева, Е. Петрова, других советских писателей. Самолеты «Дерулюфта» регулярно доставляли газету в Москву, а в Большом Гнездиновском переулке помещалось московское отделение редакции «Накануне»¹³⁴. За границей издавались и другие «сменовеховские» газеты: «Новая Россия» — в Софии, «Новости жизни» — в Харбине, «Путь» — в Хельсинки, «Новый путь» — в Риге. Редакторы двух таких газет (А. М. Агеев в Софии и Д. И. Чернявский в Харбине) стали жертвами белого террора.

Вскоре после гражданской войны многие из рядовых белоэмигрантов решили вернуться на Родину. Волна «возвращенчества» в Советскую Россию захватила и некоторых белых генералов и офицеров. Среди вернувшихся были бывшие командиры корпусов генералы Я. Слащев и А. Секретев, бывший начальник дивизии генерал Ю. Гравицкий и др. Все они признали Советское правительство как единственную законную власть в стране, пользующуюся действительной поддержкой народа. Наиболее крупные масштабы приняло «возвращенчество» среди солдат и казаков. Этому способствовали и развал белого движения, грызня и разброд в эмигрантских кругах, и все расширявшееся признание Советской России на международной арене, и приходившие из родных мест известия о постепенном оздоровлении хозяйственной жизни, и чисто личные моменты: неустроенность, гнетущее чувство зря убиваемых в эмиграции лет, растущая тоска по родине.

В разных странах, особенно в Болгарии, стали возникать «Союзы возвращения на Родину» («Совнарод»). Орган этого союза в Софии газета «На Родину» в своем первом номере писала: «Мы зовем всех честных людей русской эмиграции, которым чужды авантюристские похождения и дороги интересы родной страны, сомкнуть свои ряды под флагом нашей организации и газеты и вместе с нами начать дело исправления наших ошибок, сознательно или бессознательно нами совершенных»¹³⁵. «Союз возвращения на Родину», организованный летом 1922 г., открыл свои отделения по всей Болгарии, во многих пунктах, где были расквартированы остатки врангелевской армии. Агитация за возвращение на Родину врангелевских солдат, начатая Болгарской коммунистической партией (БКП), вскоре принесла свои плоды. Этому способствовала и объявленная Советским правительством амнистия значительной части лиц, участвовавших в качестве рядовых солдат в белогвардейских военных организациях. Декретом ВЦИК от 3 ноября 1921 г. им была предоставлена возможность вернуться в Россию на общих основаниях с возвращавшимися на Родину военнопленными¹³⁶. При ЦК БКП была образована специальная комиссия по развертыванию агитации среди врангелевских солдат и их вовлечению в «Союз возвращения на Родину». Комиссию возглавлял член ЦК, секретарь Софийского окружного комитета БКП А. Иванов. В нее входили болгарские коммунисты Г. Зуйбаров и Б. Лозанов, а также несколько русских эмигрантов. В ряде мест появились русские

¹³³ С. А. Федюкин. Указ. соч., стр. 240—294.

¹³⁴ Э. Миндлин. В двадцатые годы. «Знамя», 1968, № 1, стр. 221—222.

¹³⁵ «На Родину», 24.V.1922.

¹³⁶ СУ, 1921, № 74, ст. 611. Позже, декретом ЦИК и СНК от 3 ноября 1924 г., амнистия была распространена на всех находившихся на Дальнем Востоке, в Монголии и Западном Китае рядовых солдат белых армий (СУ, 1924, № 52, ст. 508).

коммунистические группы, которые объединились в русскую секцию при БКП. «Совнарод» распространял листовки, проводил собрания. Было зарегистрировано 65 местных групп «Совнарода», а его членами стали не менее 8500 русских эмигрантов¹³⁷.

В конце октября 1922 г. в Болгарию прибыла миссия советского Красного Креста во главе с И. С. Корешковым. «Совнарод» был той организацией, через которую советская миссия осуществляла всю работу по репатриации. Важное значение имела позиция, занятая Общеказачьим земледельческим союзом в Болгарии. Он выступил с обращением к зарубежному трудовому казачеству. «Ни лживые речи «главнокомандующего», каждый месяц обещавшего вам победоносный поход на Россию, — говорилось в этом обращении, — ни фальшивые взывания к казачьей доблести ваших атаманов, пресмыкающихся у ног Врангеля, ни десанты с целью снова поднять гражданскую войну в России, — ничто уже не может скрыть истину... Довольно нам быть эмигрантами, бесправными отщепенцами родины нашей, бездомными бродягами в глазах соседних народов и всего мира. Пора осознать себя сынами новой, из революции рожденной России. Наш лозунг — назад в Россию!»¹³⁸. После фашистского переворота 9 июня 1923 г. деятельность «Совнарода» в Болгарии была прекращена, многие его участники подверглись жестоким репрессиям. И все же эта организация, созданная БКП, сыграла большую роль в развитии возвращенческого движения среди рядовой эмигрантской массы — бывших врангелевских казаков и солдат. В 1922—1923 гг. с помощью «Совнарода» возвратились из Болгарии в СССР более 11 тыс. эмигрантов¹³⁹. В те годы в Болгарию, в надежде вернуться на Родину, приезжали также группы русских эмигрантов из Румынии, Югославии, Греции, Италии и других стран.

Данный очерк охватывает лишь некоторые стороны деятельности белой эмиграции начала 20-х годов — периода, когда она проявляла себя особенно активно. Но уже в то время в белоэмигрантских кругах началось развитие центробежных процессов, которые в конечном итоге привели к распаду политических сил белой эмиграции. Главное влияние на эти процессы оказывали те изменения на международной арене, которые происходили в связи с упрочением политического и экономического положения Советского Союза.

¹³⁷ Г. И. Чернявски и Д. Даскалов. Указ. соч., стр. 199, 200, 209.

¹³⁸ «Новая Россия» (София), 26.XI.1922.

¹³⁹ Г. И. Чернявски и Д. Даскалов. Указ. соч., стр. 249. И. Лунченков приводит другую цифру — 14 тыс. человек, 70% из них — казаки (см. И. Лунченков. Указ. соч., стр. 99).